

Евгений НИКИТИН: *Известия, 2002, 12 янв., с. 9* Я очень надежный Ил-86

«Мы делаем ставку на молодежь», — подчеркнул в недавнем интервью «Известиям» Валерий Гергиев. Подтверждение этим словам — блистательная плеяда молодых солистов, возвращенных в последние годы Мариинкой. Одна из наиболее ярких звезд вокального «поколения next» — обладатель великолепного баса-баритона Евгений Никитин. В репертуаре Никитина — Вагнер, Верди, Моцарт, Чайковский. Последняя работа в театре — заглавная партия в «Князе Игоре». (Смотри «Известия» за 11 декабря прошлого года). С Евгением НИКИТИНЫМ встретилась спецкор «Известий» Юлия КАНТОР.

— Ваш Князь Игорь — не просто мяукающий, но порой бесхарактерный. Это случайность или сознательная трактовка?

— Честно говоря, Князь Игорь мне не очень симпатичен. Он, на мой взгляд, действительно слабохарактерный, да к тому же обуюн гордыней. Да и Бородин, по-моему, больше симпатизировал Кончаку, это слышно и по музыке. Так что никакой случайности в трактовке нет.

— Нынче Мариинка значительно место уделяет собственному актерской составляющей постановок. Вы и в этом отношении вполне успешны...

— Просто мне интересно сыграть роль, а не поучаствовать в «концерте в костюмах». Опера —

это полноценный спектакль, во всяком случае, она такой должна быть. Нас сейчас муштруют, заставляют петь, стоя на голове, если это надо. Ведь работают такие разные режиссеры, с такими разными вкусами. У нас здесь такие эксперименты...

— Вам не кажется, что Мариинский театр порой увлекается экспериментами, предпочитая «евростандартные» постановки? Возобновленный «Князь Игорь» одно из немногих исключений.

— Мне нравится, что к нам приезжают ставить оперы известные западные режиссеры. Это нормальная практика. Что до «евростандарта», то здесь действительно бывают перегибы. Скажем, «Князь Игорь» — эта абсолютно классическая постанов-

ка — более успешна, нежели наш модернистский «Дон Жуан».

— Вы один из самых репертуарных солистов Мариинского театра. У вас есть собственные приоритеты?

— А как же. Мне бы хотелось больше петь русскую музыку и Вагнера. Русскую музыку, кстати, вскоре начну репетировать в «Борисе Годунове». Удивлены по поводу Вагнера? Считается, что он вреден для голоса, а вот итальянская музыка — бальзам для связок. Но итальянская мне чужда по духу что ли. А Вагнер — мой.

— Вы начали петь в Мариинском театре еще студентом третьего курса Петербургской консерватории, семь лет назад. А теперь продолжаете учиться у старших коллег?

— Я учился в консерватории у Булата Минжелкиева, и, конечно, многим ему обязан. Но именно в Мариинском театре, где трешься рядом с великолепными профессионалами, получаешь лучшую школу и лучший опыт. Потому и теперь, хотя и несколько в другом качестве, я студент. Я стараюсь заниматься работой, не обращая внимания

на так называемые побочные эффекты, которые существуют в любой творческой организации. Сам я вовсе не завистлив, а на реакцию других у меня психологическая колючка.

— Вы собой довольны?

— Я пока не могу сказать, что достигаю небывалых высот, но все же, думаю, что я несколько выше среднего. К счастью, у меня пока нет серьезных провалов, но и сногшибательных взлетов тоже. И меня такой путь устраивает. Вы знаете, я, как Ил-86, медленно набираю высоту, набрав, не снижаю, и пробег довольно большой. И вообще, Ил-86 — очень надежный!

Санкт-Петербург